

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПЕРЕВОДАХ ТЕКСТОВ ИБН ‘АБД АЗ-ЗАХИРА

Игорь Александрович Спивак

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
ispivaq@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7141-0347>

Аннотация. Начало дипломатических отношений Золотой Орды с мамлюкским Египтом и факт принятия ислама ханом Берке (1257–1266 гг.) нашли свое отражение в письменных источниках. Важнейшим из них является «Видный сад в жизнеописании аль-Малик аз-Захира». Жизнеописание было составлено секретарем султана аль-Малика аз-Захира Рука ад-Дина Бейбарса аль-Бундукдари (1260–1277 гг.) Мухьи ад-Дином Абуль-Фадлом ‘Абдаллахом ибн ‘Абд аз-Захиром (ум. в 1293 г.). Его труд послужил основой для более поздних сочинений представителей арабоязычной исторической традиции. Отрывки из этих сочинений, касающиеся истории Золотой Орды, были опубликованы в 1884 г. В. Г. Тизенгаузеном. Следует отметить, что перевод источников, выполненный В. Г. Тизенгаузеном на высоком уровне, не является подстрочником. Литературный характер перевода оставляет возможности для различных исторических интерпретаций текстов. Одна из попыток подобной интерпретации представлена в работе В. А. Сидоренко, опубликованной в 2020 г. Целью настоящего исследования является грамматический, исторический и религиоведческий анализ предлагаемых автором конъектур и выводов, сделанных на их основе. Результаты исследования подтверждают вывод о том, что наиболее вероятной датой принятия ислама ханом Берке, нашедшей отражение в письменных источниках, следует считать 1263 г. Вместе с тем, подвергаются критике, предложенные В. А. Сидоренко конъектуры текста Ибн ‘Абд аз-Захира. Наибольшие возражения вызывает перевод содержания первого письма египетского султана к хану Берке. Делается вывод о том, что аль-Малик аз-Захир Бейбарс на момент составления письма к Берке не сомневался в профессиональной принадлежности хана. Данный вывод ставит под сомнение хронологическую последовательность дипломатических миссий и обмена письмами между Египтом и Золотой Ордой, предложенную В. А. Сидоренко. Причину противоречий между содержанием послания султана к хану Золотой Орды и содержанием писем, которые были доставлены в Египет послами Берке, следует искать в особенностях религиозной политики монгольских правителей. Вероятно, основанием для написания письма к Берке, учитывая симпатии хана к исламу, послужила неверная интерпретация сведений о его религии, которые поступали в Египет.

Ключевые слова: ‘Абд аз-Захир, аль-Малик аз-Захир, Берке, джихад, Золотая Орда, ислам, конъектура, Хулагу

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Крым в рамках проекта № 20-49-910004р_а_Республика Крым «Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму в золотоордынский период: комплексный подход».

ON THE NEW TRENDS IN TRANSLATION OF ABD AL-ZAHIR'S TEXTS

Igor A. Spivak

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. The beginning of diplomatic relations between the Golden Horde and Mamluk Egypt and the conversion to Islam by Khan Berke (1257–1266) are reflected in written sources. The most important of these is the Garden of Flowers in the Biography of al-Malik al-Zahir, compiled by Muhyi d-Din Abu-l-Fadl 'Abdallah ibn 'Abd az-Zahir, the secretary of the Sultan al-Malik al-Zahir Rukn al-Din Baybars al-Bunduqdari (1260–1277). This work became the basis for later books of those who represented Arabic-speaking historical tradition. The excerpts from these works uncovering the history of the Golden Horde were published in 1884 by V. G. Tizengausen. It should be noted that the translation of the sources made by V. G. Tizengausen at a high level is not a word-by-word translation. The literary translation leaves room for various historical interpretations of the texts. In 2020, V. A. Sidorenko published an attempt of interpretation of the kind. The aim of the present research is grammatical, historical, and religious analysis of the conjectures given by V. A. Sidorenko and the conclusions drawn against this background. The results of the research undertaken support the conclusion that the most likely date of conversion to Islam by Khan Berke reflected in the written sources is 1263. Moreover, the author criticises the conjectures of Ibn Abd al-Zahir's text suggested by V. A. Sidorenko. The greatest objection is the translation of the content of the first letter of the Egyptian Sultan to Khan Berke. The conclusion is made that, at the moment when the letter to Berke was written, al-Malik al-Zahir Baybars had no doubts about the religion of the Khan. This conclusion suggests doubts concerning the chronological sequence of diplomatic missions and exchange of letters between Egypt and the Golden Horde suggested by V. A. Sidorenko. One should search for the reason for the contradictions between the content of the Sultan's message to the Khan of the Golden Horde and the content of the letters delivered to Egypt by Berke's ambassadors among the features of religious policy of Mongolian rulers. Taking the Khan's sympathy for Islam into account, the reason behind the letter to Berke probably was the misinterpretation of the information concerning his religion received in Egypt.

Key words: Abd al-Zahir, Al-Malik al-Zahir, Berke, jihad, Golden Horde, Islam, conjecture, Hulagu

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Republic of the Crimea, project no. 20-49-910004p_a_Respublika_Krym "The Distribution of Islam in the South-Eastern Crimea in the Golden Horde Period: A Complex Approach".

В 2020 г. была опубликована объемная статья В. А. Сидоренко, посвященная проблемам принятия ислама Золотой Ордой и началу дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом [16, с. 513–559]. В основу авторского анализа были положены соответствующие фрагменты жизнеописания султана аль-Малик аз-Захира Бейбарса аль-Бундукдари (1260–1277 гг.), составленного его секретарем, кади Мухйи ад-Дином ибн 'Абд аз-Захиром (ум. 1293 г.). Стремясь выяснить дату принятия ислама Берке, установить количество и очередность дипломатических миссий, В. А. Сидоренко предложил свои варианты переводов отрывков указанного сочинения, отличающиеся от опубликованных в свое время В. Г. Тизенгаузенем. Целью на-

стоящей работы является анализ того, насколько оправдана данная ревизия, с точки зрения арабской грамматики, религиозных и исторических реалий. Предлагая свой порядок обмена письмами и послами между Берке и аль-Маликом аз-Захиром, В. А. Сидоренко начинает рассмотрение сообщений Ибн 'Абд аз-Захира с содержания писем первого посольства Берке. Следуя авторскому порядку, еще раз приведем отрывок из сообщения Ибн 'Абд аз-Захира [18, с. 49–50]:

قرأ كتابه الذى على يد الامير جلال الدين و كتابه الذى على يد الشيخ نور الدين و مضمونهما السلام والشكر و طلب الانجاد على هلاون و الاعلام بما هو عليه من مخالفة سنكر خان و شريعة اهله و ان كل فعله منتلاف النفوس بطريق العدوان منه و انني قد قمتانا و اخوتى الاربعة بحربه من سائر الجهات لاقامة منار الاسلام.

В нашем распоряжении имеются три, различающихся в деталях, которые, между тем, оказывают существенное влияние на понимание его общего смысла, варианта перевода данного текста на русский язык: В. Г. Тизенгаузена, Д. Р. Зайнуддинова и В. А. Сидоренко. Самый ранний перевод, осуществленный В. Г. Тизенгаузенем, выглядит следующим образом: «...прочитал письмо, которое было при эмире Джелаледдине, и письмо, находившееся в руках шейха Нуреддина. Содержали они оба привет и благодарение, требование помощи против Хулавуна, извещение о том, как он (Берке) действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего, о том, что все совершаемое им (Берке) душегубство вызвано только враждой к нему, что «я и четыре брата мои принялись воевать против него со всех сторон, чтобы восстановить опять маяк правоверия...» [18, с. 59].

Д. Р. Зайнуддинов, исходя из того, что Берке-хан, будучи мусульманином, не мог сказать о своих действиях تلاف النفوس (душегубство), приходит к выводу, что эти слова в тексте Ибн 'Абд аз-Захира относятся к Хулаву [8, с. 113]. В результате, автор предлагает следующий вариант интерпретации текста: «...что все действия, совершаемые им (Хулаву), из числа душегубства, исходят из несправедливости его (Хулаву)...» [8, с. 114]. Одним из основных аргументов Д. Р. Зайнуддинова является то, что «исходя из критериев ислама душегубство является тягчайшим преступлением» [8, с. 113]. В качестве опоры для своего аргумента он приводит текст коранического айата: «...кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех...» (V: 35(32)) [12].

Применительно к интерпретации содержания текста послания хана Берке, передаваемого Ибн 'Абд аз-Захиром, подобная аргументация вызывает определенные возражения. Действительно, в кораническом тексте употреблено выражение *مَنْ قَتَلَ نَفْسًا*, однако, как справедливо отмечает В. А. Сидоренко, слово *نَفْسٌ* используется здесь в значении «человек» [16, с. 522]. Подобное понимание нашло свое отражение не только в различных современных переводах и толкованиях Корана, оно зафиксировано уже в текстах средневековых тафсиров. Так, например, Ибн Касир (1302–1373 гг.), комментируя приведенный аят, писал: «...убийство одного человека не в отместку за убийство другого человека или распространения на земле нечестия, а безо всякого на то права, подобно убийству всего человечества, так как для него нет разницы между убитым и остальными людьми» [9, с. 598]. Таким образом, термин «душегубство»

появляется в тексте как результат буквального перевода и может быть заменен, по предложению В. А. Сидоренко, на «гибель народонаселения/населения» [16, с. 522]. Как следует из приведенного айата, убийство, совершенное мусульманином, может быть оправдано в двух случаях: в ответ на несправедливое убийство и с целью предотвратить «порчу на земле».

Д. Р. Зайнуддинов считает, что В. Г. Тизенгаузен совершена ошибка при переводе слова العدوان, которое следует переводить не «вражда», но «агрессия» [8, с. 114]. Таким образом, действия хана Берке против Хулавун являются ответом на агрессию со стороны последнего, а, следовательно, легитимными с точки зрения ислама, включая убийство/гибель людей. В качестве дополнительного аргумента приведем фрагмент 217 айата II суры: «Искушение хуже, чем убийство (وَ الْفِتْنَةُ أَكْبَرُ مِنَ الْقَتْلِ)». Они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если только смогут» [13]. Подводя итог сказанному, отметим, что тезис Д. Р. Зайнуддинова о том, что мусульманин Берке не мог сказать о своих действиях «гибель населения» является противоречивым и основан на буквальном прочтении текста, что в данном случае, на наш взгляд, неоправданно.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с соображением грамматического порядка, приводимыми Д. Р. Зайнуддиновым. По его мнению: «В. Г. Тизенгаузен допустил ошибку, связав местоимение третьего лица, единственного числа, мужского рода (هو – он) с именем Берке-хана. Это объясняется следующими фактами. Во-первых, исходя из правил грамматики арабского языка, местоимение указывает на ближайшее от него слово, а таковым является Хулавун» [8, с. 113]. Таким образом, действительно, в тексте послания хана Берке слова: «الاعلام بما هو عليه» (сообщение о том, что он против него) относятся к Хулагу-хану. Однако дальнейший перевод отрывка, предложенный Д. Р. Зайнуддиновым, вызывает определенные возражения. Его конъектура выглядит следующим образом: «...извещение о том, что он (Хулаву) идет против ясы Чингизхановой и закона народа своего, о том, что все действия, совершаемые им (Хулаву), из числа душегубства, исходят из несправедливости его (Хулаву)...» [8, с. 114]. Отметим, что при данном прочтении текста автором игнорируется слитное местоимение третьего лица, единственного числа, мужского рода – هُوَ – в слове عليه «против него». Если, как было сказано, часть предложения «он против» относится к Хулавуну, то закономерен вопрос: против кого? Считать, вслед за Д. Р. Зайнуддиновым, что речь идет о «ясе Чингизхановой», по нашему мнению, не позволяет предлог مِنْ, находящийся в предложении между словами عليه и مخالفة سنكر خان (нарушение/противоречие [закона] Чингизхана). Очевидно, что выражение «он против него» в данном контексте должно означать – Хулаву против Берке. Предлог مِنْ в арабском языке имеет несколько значений, одно из которых – причина, повод [19, с. 307; 7, с. 406]. Таким образом, смысл этой части предложения (و الاعلام بما هو عليه من مخالفة سنكر خان) становится понятен, если перевести ее как: «сообщение о том, что он (Хулаву) против него (Берке), по причине/из-за нарушения закона Чингизхана».

Наиболее важна, на наш взгляд, следующая часть предложения – *و شريعة اهله* (и шари'ата его людей). В. Г. Тизенгаузен, а вслед за ним и Д. Р. Зайнуддинов, как и в случае с *من قَتَلَ نَفْسًا* (душегубство), перевели это словосочетание дословно – «и закона народа своего» [18, с. 59; 8, с. 114]. Более взвешенную позицию в отношении перевода этой фразы занимает В. А. Сидоренко, оставивший в своем варианте слово «шари'ат» без перевода [16, с. 523]. Если опереться на прочтение Д. Р. Зайнуддинова, в соответствии с которым нарушение «закона Чингизхана» и «закона народа своего» совершено одним и тем же субъектом – Хулаву – налицо смысловая тавтология. Принять подобную конъектуру можно было бы, если бы вместо слова «закон» (*شريعة*) в тексте использовалось, например, слово «обычай» (*عادة*). Стремление избежать тавтологии заставляет нас либо признать тот факт, что в сообщении Ибн 'Абд аз-Захира вышеозначенные деяния совершены разными людьми, либо то, что слово «шари'ат» в тексте следует трактовать шире его буквального значения. Первое предположение приходится отбросить по соображениям, вытекающим из правил арабской грамматики. Что касается второго, то, действительно, в арабском языке слово *شريعة* имеет значение «законоположение, церковный закон; шари'ат» [3, с. 400]. При этом, нельзя не учитывать то обстоятельство, что наряду со словом *شريعة* для выражения понятия «закон» существуют и другие слова, несущие ту же смысловую нагрузку, например: 6] *فَانُونٌ, سُنَّةٌ, نَامُوسٌ* [с. 267]. Нам представляется, что присутствие термина *شريعة* в тексте Ибн 'Абд аз-Захира неслучайно. Ко времени составления послания хана Берке термин «шари'ат» получил более узконаправленное значение: «прямой, правильный путь»; закон, предписания, авторитетно установленные в качестве обязательных – шари'ат, комплекс закрепленных, прежде всего Кораном и сунной, предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение» [17, с. 292]. Иными словами, под термином «шари'ат» следует понимать систему мусульманского права. Таким образом, в сообщении Ибн 'Абд аз-Захира понятие «шари'ат» семантически противостоит понятию «яса Чингизханова». Учитывая сказанное, часть предложения *الاعلام بما هو عليه من مخالفة سنكر خان و شريعة اهله*, по нашему мнению, следует переводить так: «Сообщение о том, что он (Хулаву) против него (Берке) по причине/из-за нарушения закона Чингизхана и шари'ата (ислама) его (Берке) людей». Действующим лицом в следующей части текста – *و ان كل فعله متلاف النفوس بطريق العدوان منه* – как справедливо отметил Д. Р. Зайнуддинов, является Хулагу [8, с. 14].

Трудно согласиться с вариантом перевода последней фразы, предложенным В. А. Сидоренко: «и что (و ان) все его действия (كل فعله) по уничтожению народонаселения (متلاف النفوس) начальником войска (بطريق), который враждебен (العدوان) ему (منه) и т. д.» [16, с. 523]. Путаница в данном случае возникает из-за двух одинаковых по написанию, при опущенных огласовках, но различных по значению арабских слов – 2] *بطريق* ист. начальник войска» и 1] *طريق* путь, дорога» со слитным предлогом 3] *ب*, с.75; с.473]. Одно из значений данного предлога – средство или орудие

действия, образ действия [19, с. 300–301; 7, с. 394]. Например, выражение بطريق البرّ означает «сухопутным путем», а بطريق الجوّ – «воздушным путем» [3, с. 75; с. 473]. Таким образом, традиционный перевод выражения بطريق العدوان منه означает: «путем враждебности/злости/агрессии/несправедливости [исходящей] от него». Конъектура В. А. Сидоренко предполагает наличие в конструкции относительного местоимения الَّذِي – «который», помещенного соответственно между словами بطريق и العدوان. Стремясь обосновать его отсутствие, автор ссылается на правило арабского языка, согласно которому: «В ряде случаев функцию относительного местоимения الَّذِي выполняет артикль ال. Это бывает в том случае, когда сказуемым именного придаточного предложения является причастие страдательное» [7, с. 385]. В качестве такого сказуемого А. В. Сидоренко указывает на слово العدوان. Как известно, причастия страдательного залога в арабском языке образуются от соответствующих пород глагола по определенным формулам. Исходной формой в данном случае мог бы стать недостаточный глагол III породы عَادَى – «враждовать» [22, с. 337]. Формула, по которой образуются причастия страдательного залога, м. р., ед. ч. от глаголов III породы: مُفَاعِلٌ – فَاعِلٌ (для причастия действительного залога) – مُفَاعِلٌ (для причастий страдательного залога) [22, с. 663]. Таким образом, искомое причастие в определенном состоянии должно иметь форму الْمُعَادَى. Учитывая сказанное, нам представляется рациональным остановиться на варианте перевода разбираемого выражения, который был предложен Д. Р. Зайнуддиновым.

Один из основных выводов, к которому приходит В. А. Сидоренко, заключается в том, что: «Укоренившееся в научной литературе мнение о датировке этого знаменательного для Золотой Орды события (принятие ислама ханом Берке – И.С.) ранее 1263 г. ошибочно...» [16, с. 519]. Полемизируя с Д. Р. Зайнуддиновым, В. А. Сидоренко считает, что письма, привезенные послами Берке, не отражают факта его принадлежности к исламу [16, с. 521–522]. Обратимся к дальнейшему содержанию послания Берке в передаче Ибн 'Абд аз-Захира, с целью подтвердить или опровергнуть это утверждение. «Я и четыре моих брата (انا و اخوتى الاربعة) принялись воевать против него (بحربه) (Хулавуна) со всех сторон (من سائر الجهات), чтобы восстановить маяк ислама (لإقامة) [18] «منار الاسلام», с. 50]. Далее в послании детально раскрывается содержание того, что названо «восстановлением маяка ислама»: «возвратить обитателям правды прежнее состояние» (إعادة مواطن الهدى ما كانت) и поминание Аллаха (وذكر الله) и азан (والاذان) и чтение (Корана) (والقرأة) и молитву (والصلاة) и отомстить (واخذ ثار) за имамов и религиозную общину [18] «الانمة و الأمّة», с. 50].

На первый взгляд, текст насыщен исламскими реалиями, не оставляющими сомнения в конфессиональной принадлежности автора. Вместе с тем, на что обратил внимание Д. Р. Зайнуддинов, удивляет отсутствие в тексте специфически исламского термина «джихад» (جهاد), вместо которого использован оборот 8] قد قمت انا...بحرِه, с. 113]. Действительно, с точки зрения исламской правовой системы война с язычниками, которым, безусловно, являлся Хулагу, совершившими агрессию в отношении мусульман, обязательна. Ситуация, однозначно превращающая джихад в индиви-

дуальную обязанность (الفرض العين), наступает в случае нападения неприятеля на территорию мусульманской уммы (دار الإسلام). Известный факих Абуль-Хусейн Ахмад ибн Мухаммад аль-Кудури аль-Багдади, живший на рубеже X–XI вв., в своем фундаментальном труде по ханафитскому мазхабу (مختصر) сформулировал это положение следующим образом: «Обязанность участвовать в джихаде не распространяется на: детей, рабов, женщин, слепых, хромых, безруких. Если же враг нападет на страну – обязанность на всех мусульманах выступить для его отражения. Тогда женщина выступает без разрешения ее мужа, раб без позволения господина (فإن هجم العدو على بلد وجب على جميع المسلمين الدفع تخرج المرأة بغير إذن زوجها و العبد بغير إذن المولى)» [23, с. 231].

Учитывая сказанное, закономерен вопрос: позволяет ли текст Ибн ‘Абд аз-Захира сделать вывод о том, что военные действия хана Берке, совершаемые в ответ на агрессию со стороны Хулагу-хана, можно квалифицировать как «джихад меча» (جهاد بالسيف)? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Как известно, исламская правовая мысль при определении правовой категории «джихад» придает большое значение целям, ради которых ведется борьба, и намерению, с которым она ведется. О том, каким должно быть намерение участников джихада, ясно говорится в текстах мусульманского предания. Так, сообщается, что некий бедуин задал Пророку вопрос: «О посланник Аллаха, один человек сражается ради военной добычи, другой сражается ради того, чтобы люди говорили о его храбрости, а третий сражается напоказ, так кто же из них находится на пути Аллаха? – и в ответ ему посланник Аллаха, صلى الله عليه وسلم, сказал: «На пути Аллаха находится тот, кто сражается ради того, чтобы превыше всего было слово Аллаха» [14, с. 540]. В тексте другого, не менее известного хадиса, повествуется об участии человека, погибшего во время джихада, который сражался ради славы, заявляя, что сражается ради Аллаха. Уличенный в «День воскресения» Аллахом во лжи, он будет ввергнут в огонь [14, с. 541]. Таким образом, по мнению мусульманских ученых, Аллах «примет» джихад того человека, чье намерение, во-первых, искренне, а, во-вторых, наполнено желанием бороться исключительно ради Аллаха.

Практически все мусульманские ученые, говоря о целях джихада, опираются на следующий коранический текст: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение и пока религия целиком не будет принадлежать Аллаху. Но если они прекратят, то посягать можно только на беззаконников» (وَقَاتِلُوهُمْ حَتَّى لَا تَكُونَ فِتْنَةٌ وَيَكُونَ الدِّينُ لِلَّهِ فَإِنْ) (II: 193). Не менее значимым в этом вопросе является текст известного хадиса, в котором Пророк сообщает: «Мне было велено сражаться с этими людьми до тех пор, пока они не засвидетельствуют, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад – посланник Аллаха, и не станут совершать молитвы и выплачивать закят, а если они будут делать все это, то защитят от меня свою жизнь и свое имущество, которых впредь их могут лишить не иначе как по праву ислама, и тогда отчета с них вправе будет требовать только Аллах» [2, с. 34–35]. Таким образом, помимо отражения прямой агрессии, одна из возможных

целей джихада заключается в распространении ислама. Другая, легитимная с точки зрения шари'ата, цель вооруженного джихада заключается в обеспечении религиозного, политического, экономического и военного господства мусульманской уммы над представителями иных религиозных общин. Согласно сообщениям исторических источников, во время похода на Табук (630 г.) Мухаммад заключил договор с жителями Айлы, обязав их платить джизью [10, с. 396]. Основываясь на практике Мухаммада, именно в уплате иноверцами из числа «людей писания» подушного налога представители мусульманской правовой мысли видели механизм реализации господства своей общины [4, с. 219]. Позднее мусульманскими правоведами были выработаны дополнительные условия, необходимые к соблюдению теми, кто обязан был платить джизью [1, с. 226–227].

Возвращаясь к содержанию послания хана Берке в передаче Ибн 'Абд аз-Захира, следует отметить, что в нем из всех возможных целей джихада, при желании, можно увидеть только отражение агрессии. В тексте послания ясно говорится, что агрессия (العدوان) совершена Хулагу в отношении Берке. Для признания ответных действий джихадом, с точки зрения мусульманского права, нам пришлось бы не только признать факт принадлежности к исламу самого Берке, но то, что подвластная ему территория входила в понятие дар аль-ислам (دار الإسلام), однако, как известно, последнее стало фактом только во времена правления хана Узбека (1314–1341 гг.). Учитывая сказанное, следует признать, что ни одна из целей, превращающих вооруженную борьбу в джихад, не обозначена в тексте послания Берке. Более того, зафиксированное Ибн 'Абд аз-Захиром намерение Берке – «отомстить за имамов и религиозную общину» – полностью не соответствует тому намерению, которым должны руководствоваться участники джихада. Таким образом, в тексте Ибн 'Абд аз-Захира в пользу того, что хан Берке на момент составления послания являлся мусульманином свидетельствуют, во-первых, обилие мусульманских религиозных терминов, во-вторых, упоминание о приверженности шари'ату «его людей» (و شريعة اهلہ). С другой стороны, в тексте послания Берке нигде не говорит прямо о своей принадлежности к исламу. Кроме того, как мы показали, его военные действия против Хулагу, с правовой точки зрения, не могут быть квалифицированы как джихад.

По нашему мнению, между этими фактами отсутствуют противоречия. Очевидно, что на подвластных Берке территориях проживали мусульмане, что, впрочем, не означает его собственной принадлежности к исламу. Следовательно, упоминание о «шари'ате его людей» следует расценивать как дипломатический аргумент, призванный убедить султана аль-Малика аз-Захира Бейбарса вступить в союз против Хулагу-хана. Обилие сугубо исламских понятий и выражающих их терминов в послании хана Берке также находит свое объяснение. Вероятно, прав А. Г. Юрченко, когда предполагает, что: «Если такое письмо (Берке к аль-Малику аз-Захиру Бейбарсу – И.С.) и имело место, то при переложении с монгольского на арабский язык его перевели в особом ключе: с политического языка на религиозный... Поскольку письмо Берке было публично зачитано в присутствии послов Михаила Палеолога,

иконийского султана 'Изз-ад-дина Кейкавуса II и представителя Генуи, то, вероятнее всего, сообщение о мусульманском благочестии Берке им и предназначалось» [21, с. 86]. Таким образом, на наш взгляд, анализ текста Ибн 'Абд аз-Захира, передающий содержание послания хана Берке к султану аль-Малику аз-Захиру Бейбарсу, не позволяет сделать однозначный вывод о принадлежности правителя Золотой Орды к исламу на момент составления этого послания.

Косвенно это подтверждает сообщение аль-Муфаддала, на что обратил внимание В. А. Сидоренко [16, с. 527]. В передаче аль-Муфаддала, Берке, обращаясь к султану, говорит:

انت تعلم ائى محبٌ لهذا الديب و ان هذا العدو يعنى هولاءون كافر و قد تعدى قتل المسلمين و استولى على بلادهم...

«Знай, что я друг правове́рия, а что этот супостат, т. е. Хулавун, неверный; он уже злодейски избил мусульман и овладел их землями» [18, с. 189]. Следует отметить, что литературно правильный перевод этого отрывка, осуществленный В. Г. Тизенгаузенем, все же не является подстрочником. Так, в нем выражение انت تعلم переводится со значением «знай», в то время как глагол علم присутствует в тексте не в повелительном наклонении. Постановка глагола в изъявительном наклонении настоящего-будущего времени в сочетании с личным местоимением انت (ты) заставляет перевести это выражение как «ты знаешь». Далее, нуждается в коррекции перевод слов ائى محبٌ لهذا الديب, которые в конъектуре В. Г. Тизенгаузена представлены как «я друг правове́рия». Известно, что محن означает «любящий» [3, с. 153]. Таким образом, дословный перевод этой фразы означает: «Ты знаешь, поистине, я – любящий эту религию (لهذا الديب)». Смысл данной декларации становится понятным при учете того обстоятельства, что в вопросах конфессиональной принадлежности ислам отрицает любые промежуточные состояния. Напомним, что принимающий ислам должен с искренним намерением и пониманием, в присутствии достойных доверия свидетелей произнести по-арабски шахаду (الشهادة) – «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, свидетельствую, что Мухаммад посланник Аллаха» [15, с. 9]. Иными словами, человек, посредством произнесения свидетельства, открыто провозглашает себя мусульманином. Очевидно, что в устах мусульманина фраза: «я – любящий эту религию» звучала бы двусмысленно. Берке, если допустить, что на момент составления послания он уже был мусульманином, должен был бы открыто объявить об этом. Тогда в тексте его послания анализируемая фраза выглядела бы следующим образом: أنت تعلم أنا مسلم – «Ты знаешь, я – мусульманин».

Практически никаких новых сведений не добавляет к сказанному сообщение о содержании послания Берке аль-Бирзали, сохранившееся в передаче Ибн Касира.

فيها (يعنى فى سنة ٦٦١) قدمت رسل بركة قان الى الظاهر يقول له قد علمت محبتى الدين الاسلام و... علمت ما فعل هولاءو بالمسلمين...

«В 661 году...прибыли к (Эльмалик-) Эззахыру послы Беркекана, чтобы сказать ему (от имени Берке): ты уже узнал о моей любви к религии ислама и узнал, что сделал Хулаку с мусульманами...» [18, с. 275]. Как видно, Берке и в сообщении

аль-Бирзали не называет себя мусульманином, а говорит только о своей любви к исламу (محبتي الدين الاسلام). Затронув текст аль-Бирзали, нельзя не остановиться на той конъектуре, которую предложил В. А. Сидоренко. По его мнению: «Причиной затруднений с переводом является то, что I порода глагола قدم не вписывается в классическую форму предложения. Можно предполагать, что глагол قدم «прибывать», «приезжать», с суффиксом совершенного времени 1-го или 2-го лица ед. ч. имеет не отражаемую в лишенном гласных написании каузативную II породу (قَدَّمَ), что связывает выраженное им сказуемое «предпосылаю» с подлежащим «я... Беркекоан» [16, с. 525]. Руководствуясь данным соображением, автор предложил следующий вариант перевода: «В этом (то есть в 661 году) я предпосылаю послов, Беркекаан к аз-Захиру: говорящий ему...» [16, с. 525]. Подобное прочтение вызывает ряд возражений. Мнимая трудность перевода данного выражения могла бы быть обусловлена рассогласованием в числе между глаголом قدم (ед. ч.) и существительным رسل (мн. ч.) [3, с. 296]. Однако в глагольном предложении по правилам арабского языка: «Если сказуемое находится в препозиции (перед подлежащим), то глагол всегда употребляется в форме единственного числа соответствующего рода независимо от числа имени (подлежащего)... Если глагол-сказуемое находится в постпозиции (после подлежащего), то он (глагол) согласуется с подлежащим в роде и числе...» [19, с. 381]. Еще одна, кажущаяся, сложность заключается в том, что глагол в анализируемом выражении употреблен в женском роде, тогда как обычно используется мужской – قدم, но не قدمت. Однако: «Если подлежащее имеет форму разбитого множественного числа, глагол может быть в форме любого рода единственного числа, независимо от того, обозначает ли подлежащее мужчин, женщин или неодушевленные предметы... Пример с глаголом в форме женского рода: قَالَتْ بَنُو ثَمِيم «сказали сыны Тамима» [7, с. 485]. Как видно, в анализируемом случае нет никакой нужды в «играх» с породами глагола, как нет оснований предполагать, что глагол в тексте выражает настоящее-будущее время. Если бы это было действительно так, то смысл выражения «я предпосылаю» передавался бы глаголом 1-го лица, ед. ч., муж. р. настоящего-будущего времени – أَقَدِّم.

Далее, на наш взгляд, смысловая законченность выражения «в 661 году... прибыли послы Беркекана к аз-Захиру» позволяет рассматривать его в качестве целого предложения. Новое предложение начинается с глагола يَقُول, который В. А. Сидоренко предлагает перевести как «говорящий», что предполагало бы грамматическую форму قَائِل. Однако в данном случае глагол употреблен в третьем лице, мужского рода, настоящего-будущего времени – يَقُول – «говорит» [7, с. 149–150]. Необоснованными, с нашей точки зрения, являются рассуждения автора о породах и временах глагола علمت. «В соответствии с I породой глагола дается перевод В. Г. Тизенгаузеном – «ты уже узнал», «ты узнал», но относя его ко II породе, мы переводим в соответствии настоящего-будущему времени – «ты, наверное, знаешь» и «ты знаешь» [16, с. 526]. Как известно, в арабском языке: «глаголы производных пород при спряжении в настояще-будущем времени имеют те же аффиксы, что и

глаголы I породы... префиксы II, III, и IV пород имеют гласный [u], а в остальных породах – [a]» [19, с. 41–42]. Следовательно, глагол II породы عَلَّمَ во 2-м лице, муж. р., ед. ч., настояще-будущего времени должен иметь форму تُعَلِّم. Очевидно, что в тексте глагол употреблен в форме прошедшего времени, независимо от своей породы. Сказанное, учитывая частицу قَدْ перед глаголом в прошедшем времени, возвращает нас к варианту прочтения текста, который был предложен В. Г. Тизенгаузенем.

Как следует из текста Ибн ‘Абд аз-Захира, появлению послов Берке при дворе султана предшествовало письмо последнего, отправленное хану в 660 г. х. (26 ноября 1261– 14 ноября 1262 г.) [18, с. 46]. Адекватное понимание содержания этого письма имеет принципиальное значение для решения вопроса о времени принятия ислама ханом Берке. «В 660 г. ... он (Эльмелик Эззахыр) написал к Берке, великому царю Татарскому, письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть, да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с Татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи. Ведь и пророк – над ним благословение Аллаха и мир – сражался со своими соплеменниками родичами и воевал против Курейшитов; ему было повелено (Аллахом) биться с людьми до тех пор, пока они скажут: нет божества, кроме Аллаха! Ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из (главных) опор его. Пришло уже несколько известий о том, что Хулавун, ради своей жены и вследствие того, что она христианка, установил (у себя) религию креста и предпочел твоей религии почитание веры жены своей, да поселил католикоса неверного в жилищах халифов, ставя жену свою выше тебя. В этом письме было много подстрекательств и изложение того, как султан действует по части священной войны. Письмо это он отправил с одним доверенным лицом из аланских купцов» [18, с. 55]. На первый взгляд, содержание этого послания в переводе В. Г. Тизенгаузена не оставляет ни малейших сомнений в конфессиональной принадлежности хана Берке. Таким образом, возникает принципиальное противоречие: в письме султана, которое, если следовать порядку событий, установленному в тексте Ибн ‘Абд аз-Захира, предшествовало посольству Берке, засвидетельствован ислам хана, а письма Берке, доставленные султану послами позже, как мы видели, этот факт не подтверждают.

Стремясь обосновать предложенную им относительную хронологию событий, В. А. Сидоренко предложил авторскую конъектуру данного фрагмента из текста Ибн ‘Абд аз-Захира, существенно отличающуюся от перевода В. Г. Тизенгаузена [16, с. 529]. Так, по его мнению, фразу о получаемых султаном одно за другим сведениях, относительно принятия Берке ислама – *على أنه يجب عليه جهاد التتار لانهواترت الخبر* – возможно перевести как: «...с тем, чтобы ему следовало против него вести священную войну с татарами. О, чтобы ему (султану – В.С.) постоянно поступали известия о вступлении его в ислам. И будет вменяться в обязанность со времени этого вести священную войну с неверными...» [16, с. 529]. Ар-

гументация автора выглядит следующим образом: «Вводное именное предложение (لَا تَهْتَوَاتِرُ الْخَبَارُ بِإِسْلَامِهِ) начинается с частицы ل и предлога أَنْ «что, чтобы», где ل (с гласным i) могло бы выражать приказание при глаголе в усеченном наклонении... и переводиться «пусть чтобы ему...» или «обязательно, чтобы ему (султану) постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!». Но глагол, отражающий повторяющееся действие, побуждает рассматривать частицу ل как восклицание «О!». По той же причине заключающее предложение слитное местоимение 3-го л. ед. ч., косвенных падежей) не может относиться к Берке: принятие ислама и сопутствующая тому инициация не могут быть повторяющимися (особенно – второе) по отношению к одному лицу. Очевидно, речь идет о религии эль-Малик аз-Захира Бейбарса, высказывающим пожелание ее распространению в Золотой Орде, а не только принятию правителем» [16, с. 528]. Подобную аргументацию трудно принять. Действительно, по правилам арабской грамматики: «повелительное наклонение глаголов 1-го и 3-го лица образуется путем добавления предлога ل к глаголу..., например: أَفْتَحُ я открываю – لَا أَفْتَحُ пусть я открою!» [20, с. 325]. Как справедливо отмечает автор, в данном случае подобное правило не имеет силы. Известно, что союз لََّ с арабского языка переводится со значением «потому что; так как» [3, с. 708; 19, с. 327]. Учитывая наличие в конструкции слитного местоимения هُ, ее следует переводить как «потому, что он/ему/им». Для выражения пожелания со значением «О, если бы» принято использовать предлог لََّيْنِ, входящий в группу وَأَخَوَاتُهَا إِنَّ وَ أَخَوَاتُهَا, который употребляется с именем в винительном падеже [19, с. 341; 20, с. 43]. Пожелание может быть передано использованием частицы لَوْ «в сочетании с глаголом в форме сослагательного наклонения», а также в сочетании с أَنَّ, если за لَوْ следует безглагольное предложение, в сочетании لَا «для выражения побуждения или вежливой просьбы» [19, с. 357–358]. Как, например, в широко известном высказывании халифа Умара ибн аль-Хаттаба: «لَوْ كَانَ الْفَقْرُ رَجُلًا لَقَاتَلْتُهُ». Очевидно, указанные случаи не имеют отношения к разбираемому предложению, в силу того, что в нем, по нашему мнению, не содержится побуждения или пожелания. Подобный правильным глагол VI породы تَوَاتَرٌ имеет значение «непрерывно приходить, последовательно поступать, прибывать подряд; следовать друг за другом; повторяться» [3, с. 870]. Выше мы уже останавливались на значениях слитного предлога بِ. Следует считать, что в словосочетании بِإِسْلَامِهِ он отражает причину или основание. Приведенные аргументы заставляют предложить конъектуру, близкую по смыслу к предложенной В. Г. Тизенгаузенем: «Потому, что им (султаном – И.С.) получают одно за другим известия, по причине его (Берке – И.С.) ислама». Что же касается остроумного замечания В. А. Сидоренко о том, что принятие ислама является действием, совершаемым лишь однажды, то с этим трудно не согласиться. Однако известия об этом могут приходить (повторяться), в том числе и непрерывно, из разных источников, не говоря уже о том, что инициация (циркумцизия – خَتَان), которой, по мнению автора, непременно должно сопровождаться принятие ислама, не является обязательной [11, с. 94].

Дальнейшее содержание письма, на наш взгляд, только подтверждает тот факт, что султан не сомневается в конфессиональной принадлежности Берке. В противном случае, ссылка на пример пророка, воевавшего с курейшитами, утрачивает силу аргумента, обязывающего Берке к джихаду. О том же, по нашему мнению, говорит и фраза: «و قدّم مراعاة دين زوجته على دينك» – «и предпочел твоей религии почитание веры жены своей» [18, с. 55]. О какой религии Берке может идти речь, учитывая, что она противопоставлена в тексте послания христианству? Очевидно – ислам или язычество. Однако дальнейшее содержание текста однозначно заставляет сделать выбор в пользу ислама: «و اسكن الجاثليق الكافر مواطن الخلفاء» – «и поселил неверного католика в жилище халифов» [18, с. 55]. Как известно, фигура халифа к XIII в. в исламе олицетворяла не столько светскую, сколько духовную власть [4, с. 35]. Таким образом, духовному лидеру мусульман в тексте противопоставлен духовный лидер христиан. Христианство же в послании султана антагонистично и религии Берке.

Отдельно следует остановиться на содержании известий Рукн ад-Дин Бейбарса, аль-Айни и Ибн аль-Фората, которые, на наш взгляд, подтверждают сведения, сообщаемые последним [18, с. 77].

فيها (يعني في سنة ٦٥٩) كتب السلطان (الظاهر) الى بركة بن صاين قان كتابًا يخبره بهولاكو و يعرفه ان جهاده واجب عليه لتواتر الاخبار باسلامه و يلزمه اذ دخل في دين الاسلام ان يجاهد الكفار و أهتال هذا الكلام و نحوه من التحريض و الاغراء و بعث به اليه مع احد تجار العلان فورد جوابه فيما بعد بما سنذكره

«В 659 году (= 6 дек. 1260 – 25 нояб. 1261г.) султан (Эльмелик Эззахыр) написал к Берке, сыну Саинкана, письмо, возбуждая против Хулаку, уведомляя его (Берке), что, вследствие непрерывно получаемых известий о принятии им ислама для него (Берке) обязательна религиозная война (с Хулаку), так как он, вступив в религию ислама, должен воевать с неверными, и т. п. по части возбуждения и подстрекательства. Отправил он к нему это (послание) с одним из Алланских торговцев. Получен был впоследствии ответ его, о котором мы скажем ниже» [18, с. 98]. Стремясь подтвердить свое понимание текста Ибн 'Абд аз-Захира, В. А. Сидоренко предлагает конъектуру, отличающуюся от предложенной В. Г. Тизенгаузенем. Так, выражение конъектуру, отличающуюся от предложенной В. Г. Тизенгаузенем. Так, выражение «чтобы вести священную войну сделалось обязательным для него» [16, с. 530]. В соответствии с правилами арабской грамматики: «Для соотнесения конструкции, содержащей глагол долженствования *يَجِبُ* или заменяющий его предлог *على*, с прошедшим или будущим временем используется глагол *كَانَ* в качестве вспомогательного... Роль глагола *يَجِبُ* может выполнять и образованное от него причастие действительного залога *وَاجِبٌ*» [с. 64]. Действительно, глагол *يَجِبُ* может быть использован для передачи необходимости возникновения определенной ситуации (должно быть так, чтобы...), но тогда глагол используется без предлога *على* [с. 64]. Как видно, для анализируемой грамматической ситуации последнее правило неприемлемо. Невозможно также, по причине отсутствия в конструкции глагола *كَانَ*, соотнести возложение обязанности джихада на Берке с будущим временем. Таким образом, сказанное диктует следующий перевод выражения *ان جهاده واجب عليه*: «что джихад его обязателен ему». Далее,

выражение *اذ دخل فى دين الاسلام ان يجاهد الكفار* В. А. Сидоренко переводит со значением: «когда вступит в религию ислама, чтобы велась священная война с неверными» [16, с. 530]. Как известно, значение союзного слова *إِذْ* – «раз, так как; тогда как, когда; как вдруг; *اذ ذلك* тогда, в то время; *اذ أَنْ* так как» [3, с. 29]. Обратим внимание на тот факт, что глагол *دخل*, стоящий после союзного слова, находится в 3-мл., м. р., ед. ч., прошедшего времени, имея значение совершенного действия – «вступил». При употреблении с глаголом (перед ним) *إِذْ* приобретает значение «так как; поскольку» [19, с. 327]. Следовательно, данное выражение должно быть переведено как: «так как он вступил в религию ислам». Вероятно, союз *أَنَّ* в данном случае указывает на содержащееся во второй части предложения приказание и побуждение [19, с. 327].

Сказанное возвращает нас к пониманию текста, предложенному В. Г. Тизенгаузенем. Таким образом, и в пересказе сведений Ибн 'Абд аз-Захира подтверждается то, что на момент составления султаном послания к Берке, он считал последнего мусульманином.

Решение обозначенной проблемы, как представляется, лежит не столько в сфере переводческой деятельности, сколько в правильном установлении точки отсчета дипломатических отношений между аль-Малик аз-Захиром Бейбарсом и Берке. Так, В. А. Сидоренко полагает, что посланию султана предшествовало письмо Берке. Свою точку зрения он аргументирует тем, что Ибн 'Абд аз-Захир, передавая содержание султанского письма, упоминает о том, что султан разделял довод (*و يقسم* *والدليل*)¹ о необходимости ведения джихада. Этот довод, предполагает В. А. Сидоренко, содержался в письме Берке, полученном султаном ранее. Кроме того, по его мнению: «Только из него (письма – И.С.) султан мог узнать о расположенности Берке к исламу и готовности принять его для ведения религиозной войны-джихада в оправдание военных действий против татар» [16, с. 531]. Не соглашаясь с таким ходом рассуждений, обратим внимание на тот факт, что в письмах Берке, доставленных султану эмиром Джалал ад-Дином и шейхом Нур ад-Дином, как мы уже говорили, термин джихад отсутствует. Это не находит своего объяснения, если допустить, что довод о джихаде содержало предполагаемое предыдущее письмо Берке. Более того, в тексте Ибн 'Абд аз-Захира не говорится, с кем именно султан разделял довод о необходимости джихада. Учитывая его анонимность, можно предполагать, что это общеизвестный в мусульманском мире аргумент в пользу необходимости священной войны с неверными, с опорой на опыт пророка. Далее, узнать о «любви» Берке к исламу и расположенности к мусульманам султан мог из различных источников, например, из сообщений купцов, подобных тем, которые упомянуты у Ибн 'Абд аз-Захира. Последнее предположение как раз косвенно подтверждается фразой о получаемых султаном «непрерывно известиях» про ислам Берке.

Все становится на свои места, если предположить, что никакого письма Берке, предшествовавшего посланию аль-Малик аз-Захира, не было, а султан на момент

¹ В. Г. Тизенгаузен некорректно переводит: «разбирал довод» [с. 55]. 1. *قَسَمَ* – делить... 2. разделять (с кем-л., напр. о горе)...[3, с. 637].

составления этого послания не располагал достоверной информацией о конфессиональной принадлежности хана, принимая желаемое за свершившийся факт. Косвенное подтверждение этому можно найти в сообщении Ибн 'Абд аз-Захира о прибытии ко двору султана отряда татар Берке.

لَمَّا وَصَلَتْ جَمَاعَةُ النَّتَارِ الَّذِينَ وَصَلُوا أَوَّلًا إِلَى السُّلْطَانِ وَاسْتَطْلَعَ مِنْهُمْ الْحَالُ وَ عَرَفَ أَحْوَالَ الْمَلِكِ بِرْكَةَ وَ...مَقَامَهُ وَ الطَّرِيقَ إِلَيْهِ

«Когда прибыл отряд татар, впервые явившихся к султану, и он расспросил их о положении дела, да узнал от них обстоятельства царя Берке, местопребывания его и путь к нему...» [18, с. 56]. Таким образом, узнать об «обстоятельствах царя Берке» султан смог, только расспросив его подданных, подчеркнем: «впервые явившихся к султану» (وَصَلُوا أَوَّلًا إِلَى السُّلْطَانِ). Следует отметить, что султан аль-Малик аз-Захир Бейбарс не единственный, допустивший ошибку в определении конфессиональной принадлежности монгольских правителей. Так, например, В. В. Бартольд, оценивая религиозную политику Мункэ (1251–1259 гг.), писал: «Замечательно, что последователи всех религий считали великого хана своим. По словам Гайтона, он крестился; Гайтон даже присутствовал при совершении обряда крещения; по словам Джужджани, он при вступлении на престол, по настоянию Беркея, произнес мусульманский символ веры; по одному буддийскому сочинению, он признавал превосходство буддизма перед всеми остальными религиями: «Как все пять пальцев выходят из ладони, так буддизм есть ладонь, а все прочие веры – пальцы». Эти три известия как нельзя лучше подтверждают слова Рубрука о Мункэ и представителях различных религий: «Все следуют за его двором, как мухи за медом; всем он дает, все считают его своим, и все предсказывают ему всякие блага» [5, с. 562–563]. Конечно, религиозная политика Берке отличалась от политики, проводимой Мункэ. Не приходится сомневаться в его симпатиях к исламу, сведения о которых дошли до султана и были им неверно интерпретированы.

Нельзя не согласиться с В. А. Сидоренко в том, что посольств, направленных ханом Берке к султану аль-Малику аз-Захиру, должно было быть несколько. Действительно, лакуны в тексте Ибн 'Абд аз-Захира привели к тому, что у большинства компиляторов разновременные события часто объединяются в рамках одного посольства. Так, например, Таки ад-Дин аль-Макризи спустя сотню лет после описываемых событий в своей «Книге путей для познания царских династий сообщает:

سنة ٦٦١) و قدّمت رسل الملك بركة بطلب النجدة على هولاكو وهم الامير جلال الدين بن القاض و الشيخ
[419, с. 419]. نور الدين على في عدة يخبرون باسلامه واسلا قومه...18]

«В 661 г. х. прибыли послы царя Берке, в поисках помощи против Хулаку. Они – амир Джалал ад-Дин ибн аль-Кади и шейх Нур ад-Дин с некоторым числом (людей – И.С.). Они сообщили о его (Берке – И.С.) исламе и исламе его народа». Вероятно, что реальную дату принятия ислама ханом Берке сообщает Рукн ад-Дин Бейбарс, рассказывая о письме Берке, которое содержало сообщение о принятии ислама ханом и перечисление тех, кто сделал это вместе с ним, датированное 1-м раджаба 661 г.х. (11 мая 1263 г.) [18, с. 98–99]. Следует отметить, что в этом послании, в отличие от предыдущего, Берке уже интерпретирует свою войну против Хулагу как джихад,

говоря: «И да узнает султан, что я сразился с Хулаку, который от плоти и крови моей, для вознесения превыше всего слова Аллахова, из усердия к исповеданию ислама...» [18, с. 99]. Как видно, хан внял «доводу», приведенному султаном в его первом послании к нему.

Подведем итоги. Содержание писем, доставленных впервые султану ал-Малику аз-Захиру послами хана Берке, действительно не может свидетельствовать о том, что на момент их составления Берке принял ислам. В пользу такого вывода говорит отсутствие в тексте термина «джихад», а также несоответствие целей и мотива Берке в войне с Хулагу этому понятию. Об этом же свидетельствует сообщение аль-Муфаддала, в котором Берке не объявляет себя мусульманином, а говорит о себе как о «любящем эту религию». При этом конъектура, предложенная Д. Р. Зайнуддиновым в части, относящей слова о «нарушении ясы, несправедливости (агрессии)» к Хулагу, выглядит обоснованной. Обоснованность эта имеет грамматический характер и не связана с выражением «душегубство», появившимся в тексте, как справедливо указал В. А. Сидоренко, в результате буквального перевода. В конъектуре, предложенной последним, на наш взгляд, не может быть принято выражение «...начальником войска, который враждебен ему», по грамматическим причинам, на которые мы указали в тексте работы.

Неоправданной, по нашему мнению, является попытка В. А. Сидоренко усмотреть в сообщении аль-Бирзали использование глагола второй породы – *فَدَّمَ*. В результате чего, фраза «прибыли послы Берке хана к аз-Захиру» приобретает в авторском переводе странный вид: «я предпосылаю послов, Берке хан к аз-Захиру». Нельзя согласиться и с переводом выражения *يقول له* (говорю ему), как: «говорящий ему». Несогласие вызывает и предположение В. А. Сидоренко о том, что и глагол прошедшего времени *علمت* с предшествующей частицей *فَ* употреблен аль-Бирзали в качестве глагола II-ой породы, что позволяет автору перевести выражение «ты уже узнал», как: «ты, наверное, знаешь». Сказанное, на наш взгляд, при переводе текста аль-Бирзали заставляет сделать выбор в пользу конъектуры, предложенной В. Г. Тизенгаузенем.

Наибольшие возражения грамматического характера вызывает перевод В. А. Сидоренко выражения *لأنه* – «потому, что ему» как: «О, чтобы ему». Последнее, вероятно, необходимо автору для обоснования предложенного им хронологического порядка событий, где прибытие посольства Берке в Египет предшествует посланию султана, отправленному «с доверенным лицом из аланских купцов» [16, с. 526]. По той же причине выражение «раз он вступил в религию ислама» у аль-Фората В. А. Сидоренко неверно переводит как: «когда вступит в религию ислама». Очевидно, что после прочтения писем Берке, доставленных послами в Египет, султан не мог бы составить послания, в котором признавал бы Берке мусульманином. Вместе с тем, как мы попытались показать в тексте работы, новая конъектура не имеет под собой надежных грамматических оснований. Исходя из текста Ибн 'Абд аз-Захира, следует признать, что в момент составления султаном письма к хану у него не было сомнений в исламе Берке. На наш взгляд, это противоречие может быть разрешено, если вер-

нуться к тому порядку событий, который представлен у Ибн 'Абд аз-Захира: письмо султана, отправленное Берке, а после – прибытие послов хана в Египет. В этом случае следует полагать, что «поступающие одно за другим известия», по причине ислама Берке, не соответствовали действительности и были неверно истолкованы при дворе султана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи. *Китаб ал-Харадж* / Пер. с арабск., коммент. А.Э. Шмидта. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. XXXIII+415 с.
2. аль-Бухари. *Сахих* / Пер. с арабск., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2005. 960 с.
3. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. 6-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1985. 944 с.
4. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. 784 с.
5. Бартольд В.В. Туркестан под владичеством монголов (1227–1269гг.) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963. 763 с.
6. Борисов В.М. Русско-арабский словарь / Под. ред. В.М. Белкина. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1120 с.
7. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2001. 592 с.
8. Зайнуддинов Д.Р. Арабоязычные источники по истории Золотой Орды: анализ переводов В.Г. Тизенгаузена // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 110–120.
9. Ибн Касир. Толкование Корана: в 4-х тт. Т. I / Пер. А.А. Шипиловой. М.: Аль-Китаб, 2021. 768 с.
10. Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада / Пер. с арабск. Н.А. Гайнулин. М.: Умма, 2002. 485 с.
11. Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. М.: Ленон, 1999. 304 с.
12. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Баку: Язычы, 1990. 744 с.
13. Коран. Перевод смыслов / Пер. Э. Кулиев. М.: Умма, 2012. 1168 с.
14. Муслим. *Сахих* / Пер. с арабск., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011. 1216 с.
15. Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 256 с.
16. Сидоренко В.А. Принятие религии ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом по документальным сведениям Абд аз-Захира // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С.513–559.
17. Сюкиййнен Л.Р. аш-Шари'а // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 292–294.
18. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. XVI+566 с.
19. Тюрева Л.С. Практическая грамматика арабского литературного языка. М.: Изд-во ВКН, 2017. 448 с.
20. Хайбулин И.Н. Грамматика арабского языка. Уфа: Салям, 2012. 500 с.
21. Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.
22. Яковенко Э.В. Неправильные глаголы арабского языка: Грамматический справочник. М.: Восточная литература РАН, 2000. 727 с.
23. аль-Кудури. *Мухтасар фи аль-фикхи аль ханафи*. Бейрут: Дар аль-Китаб, 1997. 255 с. (арабск. текст).

REFERENCES

1. Abu Jusuf Ja'kub b. Ibrahim al-Kufi. *Kitab al-Haradj* [Abu Yusuf. Kitab al-kharaj]. Transl. A.E. Shmidt. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, XXXIII+415 p.
2. al'-Buhari. *Sahih* [al-Bukhari. Sahih]. Transl. A. Nirsh. Moscow, Umma Publ., 2005, 960 p.
3. Baranov H.K. *Arabsko-russkii slovar'* [Arabic-russian dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985, 944 p.
4. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata* [Works on the history of Islam and the Arab Caliphate]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002, 784 p.

5. Bartol'd V.V. *Turkestan pod vladychestvom mongolov (1227–1269 gg.)* [Turkestan under the rule of the Mongols], *Bartol'd V.V. Sochineniia* [Essays]. Vol. I. Part 1. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1963, 763 p.
6. Borisov V.M. *Russko-arabskij slovar'* [Russian-Arabic dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1967, 1120 p.
7. Grande B.M. *Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Arabic grammar course in comparative historical coverage]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2001, 592 p.
8. Zaynuddinov D.R. Arabic sources on the history of the Golden Horde: analysis of V. Tiesenhausen translations. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde Review], 2010, vol. 3, pp. 110–120.
9. Ibn Kasir. *Tolkovanie Korana* [ibn Kathir. Tafsir al-Qur'an al-Azim]. Transl. A.A. Shipilina. Vol. I. Moscow, Al'-Kitab Publ., 2021, 768 p.
10. Ibn Hisham. *Zhizneopisanie proroka Muhammada* [Ibn Hisham. The Life of the Prophet (Al-sīra al-Nabawiyya)]. Transl. N.A. Gajnulin. Moscow, Umma Publ., 2002, 485 p.
11. Kerimov G.M. *Shariat. Zakon zhizni musul'man* [Sharia. The law of life for Muslims]. Moscow, Lenom Publ., 1999, 304 p.
12. *Koran*. Trasl., comments I.Iu. Krachkovskogo. Baku, Iazychy Publ., 1990, 744 p.
13. *Koran*. *Perevod smyslov* [Koran. Translation of meanings]. Transl. E. Kuliev. Moscow, Umma Publ., 2012, 1168 p.
14. Muslim. *Sahih* [Sahih]. Transl. A. Nirsh. Moscow, Umma Publ., 2011, 1216 p.
15. Rodionov M.A. *Islam klassicheskii* [Islam classic]. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, 256 p.
16. Sidorenko V.A. The Golden Horde's conversion to Islam and the initial stage of the diplomatic relation between Berke and Baibars according to Abd az-Zahir's documentary account. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 513–559.
17. Siukiiainen L.R. *Sharia. Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: an encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 292–294.
18. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ord. T. I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from the works of the Arab]. St.-Petersburg, Akademiia Nauk Publ., 1884, XVI+566 p.
19. Tiureva L.S. *Prakticheskaiia grammatika arabskogo literaturnogo iazyka* [Practical Arabic literary grammar]. Moscow, VKN Publ., 2017, 448 p.
20. Khaibulin I.N. *Grammatika arabskogo iazyka* [Arabic grammar]. Ufa, Saliam Publ., 2012, 500 p.
21. Iurchenko A.G. *Zolotaia Orda: mezhdue lasoi i Koranom (nachalo konflikta). Kniga-konspekt* [Golden Horde: between Yasa and the Koran (beginning of the conflict). Book-synopsis]. St.-Petersburg, Evrazaia Publ., 2012, 368 p.
22. Iakovenko E.V. *Nepravil'nye glagoly arabskogo iazyka: Grammaticheskii spravocchnik* [Irregular Arabic Verbs: Grammar Guide]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000, 727 p.
23. al-Quduri. *Muhtasar al-fiqhi al-hanafi*. Bejrut, Dar al'-Kitab Publ., 1997, 255 p. (in Arabic).

Информация об авторе

Спивак И. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Author information

Spivak I. A. – Candidate of Science (History), Docent of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.